

ПАТРИК СВЕНССОН

Сага об угре

О СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ,
ЛЮБВИ И ДОРОГЕ ДОМОЙ

МИФ Культура

Патрик Свенссон

Сага об угре

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2019

Свенссон П.

Сага об угре / П. Свенссон — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2019 — (МИФ Культура)

Угорь – самый загадочный обитатель вод, тайны которого пытались разгадать люди со времен Аристотеля. Эти тайны заворожили и журналиста Патрика Свенссона, который в детстве летними ночами ловил угрей вместе с отцом. В этой книге сплелись личная история автора и история человечества, ведомого тягой к познанию, вопросы человеческих взаимоотношений, привязанности и смерти. На русском языке публикуется впервые.

© Свенссон П., 2019
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2019

Содержание

Угорь	6
У реки	9
Аристотель и угорь, рождающийся из ила	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Патрик Свенссон

Сага об угре

Patrik Svensson

Ålevangeliet

Berättelsen om världens mest gåtfulla fisk

ALBERT BONNIERS FÖRLAG

Издано с разрешения Patrik Svensson, Bonnierförlagen AB/Bonnier Rights, Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency

Благодарим Совет по делам искусств Швеции за субсидию на перевод книги на русский язык

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Copyright © Patrik Svensson, 2019

First published by Albert Bonniers Förlag, Stockholm, Sweden

Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm, Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Перевод, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

* * *

...Летáми

Поздней, в ночи, на этом же лугу

Он наблюдал, как угри сквозь траву

Змеятся, словно страхи, зревшие годами...

Шеймас Хини

Угорь

С рождением угря дело обстоит вот как: оно происходит в северо-западной части Атлантического океана, которую еще называют Саргассовым морем, и это место как нельзя лучше подходит для появления на свет угря. Дело в том, что Саргассово море – не четко ограниченный сушией водоем, а что-то вроде моря в океане. Где оно начинается и где заканчивается – не так-то просто сказать, ибо оно не позволяет измерить себя привычными мерками. Это море расположено чуть на северо-восток от Кубы и Багамских островов, к западу от него – побережье Северной Америки, но при этом Саргассово море постоянно в движении. Оно словно сон: точно не скажешь, когда ты в него попадаешь и когда из него выбираешься, знаешь только, что ты там побывал.

Эта подвижность связана с тем, что Саргассово море не имеет берегов. Со всех сторон оно ограничено четырьмя мощнейшими течениями. На западе – жизнетворным Гольфстримом, на севере – ответвлением Северо-Атлантического течения, на востоке – Канарским и на юге – Северо-Атлантическим экваториальным. Саргассово море площадью в пять миллионов квадратных километров вращается теплым медленным водоворотом в этом замкнутом круге четырех течений. Попасть в него довольно просто, а вот выбраться удастся далеко не всегда.

Вода здесь синяя и прозрачная, глубина в некоторых местах достигает семи тысяч метров, а на поверхности плавают огромные массы бурых водорослей. Они называются саргассум, или морской виноград, – от них и пошло название. Тысячметровые переплетения грубых подводных лиан покрывают поверхность моря, давая жизнь и защиту множеству существ: мелким беспозвоночным, рыбам и медузам, черепахам, креветкам и крабам. Глубже в толще воды царят другие растения. Бурная жизнь в темноте, где всё напоминает ночной лес.

Именно здесь рождается европейский угорь, *Anguilla anguilla*. Здесь по весне нерестятся половозрелые особи, здесь они мечут и оплодотворяют свою икру. Здесь под защитой глубокой тьмы возникает крошечное существо, похожее на червя, с до обидного мелкой головой и плохо развитыми глазами. Оно носит название «лептоцефал» и имеет прозрачное, сильно сжатое с боков тело, напоминающее ивовый лист, длиной всего несколько миллиметров. Это первая стадия развития угря.

Прозрачный листик ивы тут же пускается в путь. Направляемый Гольфстримом, он преодолевает несколько тысяч километров через всю Атлантику до европейского побережья. Это путешествие может занимать до трех лет, и тем временем личинка потихоньку растет, миллиметр за миллиметром, как медленно раздувающийся шарик, и, достигнув после долгого плаванья берегов Европы, проходит свою первую метаморфозу, становясь стеклянным угрем. Это вторая стадия в его развитии.

Стеклянный угорь, как и его предыдущая ипостась, – почти прозрачное существо длиной в шесть-семь сантиметров, словно ни цвет, ни грех еще не поселились в его извивающемся теле. Как писала о стеклянных угрях морской биолог Рейчел Карсон, «они похожи на узенькие палочки для мороженого, короче пальца». Хрупкие, внешне беззащитные, у некоторых народов они считаются деликатесом – например, у басков.

Когда стеклянные угри достигают европейского побережья, большинство из них поднимается вверх по водоемам и практически сразу адаптируется к жизни в пресной воде. Здесь они проходят еще одну метаморфозу: превращаются в желтого угря. Тело вырастает, становится мускулистым, похожим на змеиное. Глаза маленькие, с отчетливой темной областью посредине. Челюсти становятся широкими и мощными. Жаберные отверстия мелкие и почти полностью скрытые. Узкие, мягкие плавники тянутся вдоль всей спины и брюха. Кожа пигментируется, окрашивается в разные оттенки коричневого, желтого и серого, покрывается чешуей –

такой мелкой и мягкой, что ее невозможно ни увидеть, ни почувствовать на ощупь. Своего рода невидимый панцирь. Если стеклянный угорь был мягким и хрупким, то желтый угорь сильный и крепкий. Это третья стадия в его развитии.

Желтый угорь поднимается вверх по малым и большим рекам и ручейкам, может пробираться по самым мелким и заросшим водоемам, преодолевать бурные течения. Он проплывает по мутным озерам и спокойным речушкам, по бурным потокам и теплым заросшим прудам. Никакие внешние препятствия не могут его остановить, а когда прочие варианты исчерпаны, он может перемещаться и по земле, часами ползя по подлеску и влажной траве к новой воде. Таким образом, угорь – это рыба, превосходящая рыбы возможности. Вероятно, сам он себя рыбой не считает.

Он может перемещаться на сотни миль, неустанно двигаться вперед вопреки обстоятельствам, пока не настанет момент, когда он решит: здесь его дом. От этого дома ничего особенного не требуется: угорь приспосабливается к новой среде, изучает ее и учится в ней выживать. Речка или озеро с илистым дном, с камнями и впадинами, в которых можно спрятаться, достаточное количество пропитания, – и, найдя себе дом, угорь живет там год за годом, передвигаясь в радиусе пары сотен метров. Если внешние силы перемещают его в другое место, он стремится как можно скорее вернуться домой. Угри, которых отлавливали с экспериментальными целями, снабжали передатчиками и выпускали в нескольких километрах от места поймки, в течение пары недель возвращались туда, где их поймали. Как они ориентируются – никто толком не знает.

Желтый угорь всю свою активную жизнь проводит в гордом одиночестве, а его занятия зависят от времени года. Когда становится холодно, он может долгое время лежать в иле на дне в состоянии полной пассивности – иногда вместе с другими угрями, сплетя тела, как небрежно смотанный клубок.

Охотиться угорь предпочитает по ночам. В сумерках он выбирается из придонных отложений и начинает искать себе пищу, поедая все, что попадется ему на пути: червей, личинок, лягушек, улиток, насекомых, раков, рыбу, а при случае и мелких мышей и птенцов. Кроме того, он питается падалью.

Так, в сменяющихся периодах активности и пассивности, проходит большая часть жизни желтого угря. Без особой цели, помимо повседневных поисков пищи и укрытия. словно жизнь – всего лишь ожидание, словно ее смысл таится где-то в промежуточном пространстве или в абстрактном будущем, которое нельзя приблизить иначе как терпением.

А жизнь у него долгая. Угорь, избежавший болезней и несчастий, может прожить на одном месте до пятидесяти лет. Известны шведские угри, которые в неволе доживали до восьмидесяти. Существуют мифы и легенды об угрях, проживших более века. Когда у угря отнимают главную цель его существования – размножение, он, кажется, способен прожить сколько угодно. словно он готов ждать вечно.

Но в какой-то момент своей жизни, обычно в возрасте от пятнадцати до тридцати лет, угорь, живущий на воле, решает, что настала пора размножаться. Откуда берется это решение, мы также не знаем, но, когда оно принято, ожидание резко заканчивается – и жизнь угря приобретает совершенно иной характер. Он начинает двигаться в сторону моря, проходя по пути свою последнюю метаморфозу. Расплывчатая, неопределенная желто-коричневая окраска исчезает, спина становится черной, а бока – серебристыми, с четкими линиями, словно весь его внешний вид теперь отмечен целеустремленностью. Желтый угорь становится серебристым угрем. Это четвертая стадия развития.

Когда наступает осень, окутывая все защитным мраком, серебристый угорь начинает путешествие в Атлантический океан и далее в Саргассово море. И как по осознанной воле, все его тело приспособляется к требованиям этого путешествия. Только теперь у угря формируются органы размножения, плавники становятся длиннее и сильнее, чтобы он мог плыть

быстрее, глаза увеличиваются и окрашиваются в синий цвет, чтобы лучше видеть в морской глубине, пищеварительная система перестает функционировать, желудок атрофируется, а вся необходимая энергия берется из жировых запасов; тело наполняется икрой или молоками. В этот момент ничто уже не должно отвлекать угря от единственной цели.

Он проплывает до пятидесяти километров в день, иногда на глубине тысячи метров под водой, и об этом путешествии человеку по-прежнему мало что известно. Возможно, оно занимает полгода – или же угорь останавливается в пути на зимовку. Мы знаем, что в неволе серебристый угорь может жить четыре года, не питаясь.

Это долгий аскетический путь, по которому угря ведет не поддающаяся объяснениям экзистенциальная целеустремленность. Однако, добравшись до Саргассова моря, угорь еще раз находит свой дом. Под ковром из водорослей и морской травы оплодотворяются икринки. На этом угорь выполнил свое предназначение, его история завершена, и он умирает.

У реки

Ловить угря меня научил папа. Мы рыбачили в реке, протекавшей мимо полей, где когда-то прошло его детство. Приезжали на машине в темных августовских сумерках, сворачивали налево от трассы, пересекавшей реку, на маленькую дорожку, обычно представлявшую собой две колеи от колес трактора, спускались вниз с крутого холма и какое-то время ехали вдоль реки. Слева располагались поля зерновых, – спелые колосья пшеницы с царапаньем стучались о машину, – а справа – высокая, тихо шуршащая трава. За травой скрывалась вода – спокойная речка шириной метров в шесть, извивавшаяся среди зелени, как серебристая цепочка, в последних отсветах солнца.

Мы медленно проезжали по дороге до самого конца, мимо порога, где вода тревожно пенилась вокруг камней и неслась под склонившейся к течению ивой. Мне было тогда семь лет, и я уже проезжал этим путем много-много раз. Когда колея кончалась и перед нами вставала стена непроходимой растительности, папа глушил мотор; становилось темно и тихо, до нас доносился только шум воды. Мы были одеты в резиновые сапоги и непромокаемые брюки: у меня просто желтые, а у него – сигнального оранжевого цвета. Достав из багажника два черных ведра со снастями, карманный фонарик и баночку червей, мы спускались к реке.

У реки трава был мокрая, жесткая и скрывала меня целиком. Папа шел впереди, протаптывая тропинку; стебли смыкались, как арка, у меня над головой, когда я пробирался следом. Над рекой скользили летучие мыши – беззвучные черные черточки на фоне неба.

Пройдя метров сорок, папа останавливался и оглядывался.

– Вот подходящее местечко, – говорил он.

Здесь к воде вел крутой глинистый склон. Один неосторожный шаг – и можно было поскользнуться, съехать вниз и упасть прямо в воду. Уже начинало темнеть.

Придерживаясь одной рукой за траву, папа осторожно продвигался вниз, потом оборачивался и протягивал мне ладонь. Опираясь на нее, я следовал за ним такими же заученными осторожными шагами. У воды мы вытаптывали в траве небольшую площадку и ставили на нее ведра.

Я повторял за папой: когда он некоторое время стоял молча, разглядывая воду, глядел туда же, куда смотрел он, и воображал, что вижу то же самое, что и он. Само собой, не было никакой возможности определить, подходящее место мы выбрали или нет. Вода была темная, тут и там торчали несколько пучков угрожающе покачивающегося тростника, но все, что находилось под поверхностью воды, было скрыто от наших глаз. Знать мы ничего не могли, но предпочитали надеяться, как часто и приходится делать. Рыбная ловля зачастую вся построена на этом.

– Да, вот тут подходящее местечко, – повторял папа и оборачивался ко мне, а я доставал из ведра перемёт и протягивал ему. Воткнув деревяшку в землю, он быстро разматывал леску, брал в руки крючок и бережно доставал толстого червя. Закусив губу, он рассматривал червя в свете карманного фонарика, а наживив, держал крючок у лица, делая вид, что сплевывает, и говорил: «Тьфу-тьфу», всегда два раза, и потом широким движением забрасывал леску в воду. Затем наклонялся, слегка дергал за леску, проверяя, чтобы она была натянута и ее не утащило слишком далеко течением. Потягивался, произносил: «Ну вот», и мы снова поднимались по склону.

То, что мы называли перемётом, на самом деле было чем-то другим. Под перемётом обычно имеется в виду длинная бечевка со множеством крючков и грузилами между ними. Наши снасти были куда примитивнее. Папа изготавливал их, заострив топором с одной стороны кусок доски. Затем отрезал большой кусок нейлоновой нити, длиной в четыре-пять метров, и привязывал его к другому концу деревяшки. Грузила он делал сам: наливал расплав-

ленный свинец в стальную трубочку, давал ему застыть, затем распиливал на кусочки длиной в пару сантиметров и делал в них дырочки. Грузило крепилось на леске в нескольких дециметрах от начала, а на конце – весьма простой крючок. Деревяшка забивалась в землю у воды, крючок с червяком лежал на дне.

Обычно мы приносили с собой десять-двенадцать таких приспособлений, наживляли червяков и устанавливали снасти на расстоянии десяти метров одна от другой. Снова вверх и вниз по крутому склону, все та же обстоятельная процедура, такие же отрепетированные движения, те же жесты и то же «тьфу-тьфу».

Когда последняя леска бывала заброшена, мы возвращались тем же путем, вверх и вниз по склону, и проверяли все перемоты еще раз. Аккуратно брались за леску, желая убедиться, что еще не клюнуло, а потом стояли молча, прислушиваясь, в надежде, что инстинкт подскажет нам: это хорошее место, здесь обязательно клюнет, надо только набраться терпения. А когда последний перемот был проверен, вокруг царила почти полная тьма, и беззвучные летучие мыши виднелись лишь тогда, когда стремительно проносились в полосе лунного света. Мы, взобравшись по склону, возвращались к машине и ехали домой.

Не припомню, чтобы у реки мы говорили о чем-то другом, кроме угрей и того, как их лучше ловить. Честно говоря, я вообще не помню, чтобы мы разговаривали.

Возможно, я не помню потому, что мы и не разговаривали. Мы находились там, где потребность в разговоре была ограничена, в таком месте, суть которого лучше раскрывалась в тишине. Отражения лунного света, шуршание травы, тени деревьев, монотонный звук течения реки и надо всем этим – летучие мыши, как парящие в воздухе астериски. Тут и нам приходилось соответствовать обстановке.

А может быть, я просто неправильно все помню. Ибо память обманчива: что-то процеживает, что-то отбрасывает. Когда мы пытаемся восстановить в памяти сцену из прошлого, вовсе не факт, что мы помним самое важное, самое релевантное, – скорее всего, мы помним то, что, с нашей точки зрения, вписывается в общую картину. Память рисует сцену, где различные детали должны дополнять друг друга. Память не допускает ярких контрастов. Поэтому предположим, что мы молчали. Да я и не знаю, о чем бы мы могли разговаривать.

Мы жили всего в двух-трех километрах от реки, и когда поздним вечером возвращались домой, то еще на крыльце снимали резиновые сапоги и непромокаемые штаны, и я тут же ложился спать. Засыпал я мгновенно, а около пяти папа будил меня. Объяснять ничего было не нужно. Я подскакивал с кровати, натягивал одежду, и уже несколько минут спустя мы снова сидели в машине.

У реки как раз вставало солнце. Рассвет окрашивал нижний край неба в глубокий оранжевый цвет, а вода, казалось, текла теперь с другим звуком, ясным и более чистым, словно только что проснувшись от мягкого сна. Нас окружали совсем другие звуки. Где-то пел черный дрозд; кряква с шумным плеском приземлялась на воду; беззвучно пролетала над рекой цапля, зорко вглядываясь, держа клюв наготове, словно поднятый кинжал.

Пройдя по мокрой траве, мы снова боком спускались по склону к первому перемоту. Папа поджидал меня, и мы стояли молча, глядя на леску – натянута ли она, пытались уловить под водой движения и признаки жизни. Папа наклонялся и клал руку на леску. Потом выпрямлялся и качал головой. Вытягивал крючок и показывал мне. Червяк был съеден без остатка – вероятно, его обглодала нахальная плотва.

Мы шли ко второй удочке – там тоже было пусто. И с третьей то же самое. У четвертой мы могли наблюдать, что леска тянется в сторону и уходит в тростник, а когда папа потянул за нее, она не поддалась. Он что-то пробурчал себе под нос. Взял леску обеими руками и потянул чуть сильнее, однако она не сдвинулась ни на сантиметр. Возможно, течение отнесло крючок с грузилом в заросли тростника. Но это мог быть и угорь, заглотивший крючок и запутавшийся вместе с леской в тростнике, угорь, который теперь лежал на дне, дожидаясь своей участи. Если держать натянутую леску в руке, порой можно было различить мелкие движения, словно некто, находившийся на другом конце, собирался с силами.

Папа тянул, закусив губу, то и дело бессильно ругаясь. Он знал, что из этой ситуации есть только два выхода, и в каждом будут свои потери. Либо он отцепит угря и вытащит его, либо порвет леску, оставив угря лежать на дне, запутанного в тростнике, с крючком и тяжелым грузилом, как в оковах.

На этот раз, похоже, спасения не было. Сделав несколько шагов в сторону, папа попытался найти другой угол, сильнее потащил на себя леску, которая натянулась, как струна на скрипке. Ничто не помогало.

– Нет, ничего не выйдет, – пробормотал он в конце концов и дернул за леску со всей силы, так что та порвалась.

– Будем надеяться, что он выживет, – сказал папа, и мы пошли дальше вверх и вниз по склону.

У пятого перемета папа наклонился и пощупал леску пальцами. Потом выпрямился и сделал шаг в сторону.

– Ну что, вытащишь его? – спросил он.

Я взял леску в руки, мягко потянул и тут же почувствовал, как кто-то держит с другого конца. Эту силу папа ощутил пальцами. Я успел подумать, что чувство мне знакомо, и потянул чуть сильнее – рыба начала двигаться.

– Там угорь, – произнес я вслух.

Угорь не пытается вырваться рывком, как, например, щука, а уходит, извиваясь, в сторону, что создает своеобразное пульсирующее сопротивление. Для своих размеров он на удивление силен и прекрасно плавает, несмотря на крошечные плавники.

Я тянул как можно медленнее, не поддаваясь сопротивлению, словно желая продлить удовольствие. Однако леска была короткая и поблизости не рос тростник, где угорь мог бы укрыться, так что вскоре я поднял его над поверхностью воды и увидел, как блестящее желто-коричневое тело извивается в рассветных лучах. Я попытался схватить его за голову, но его практически невозможно было удержать в руках. Угорь, как змея, обвился вокруг моей руки от запястья до локтя, и я почувствовал его силу – скорее статичную, чем в движении. Если я его сейчас уроню, он немедленно кинется прочь по траве и нырнет обратно в воду, прежде чем я успею его схватить.

Наконец нам удалось отцепить крючок, и папа наполнил ведро водой из реки. Я опустил туда угря, который тут же принялся плавать кругами, а папа положил руку мне на плечо и похвалил мой улов. Мы пошли дальше к следующему перемету, легкими шагами вверх и вниз по склону. И мне доверили нести ведро.

Аристотель и угорь, рождающийся из ила

Есть некоторые вещи, по поводу которых приходится выбирать, во что верить. Угорь – одна из таких вещей.

Если верить Аристотелю, то угорь рождается из глины. Он возникает, как из ничего, из слоя ила на дне водоема. Иными словами, угорь не создается другими угрями в обычном порядке, путем размножения, не получается от слияния двух полов и оплодотворения икринки.

Большинство рыб, писал Аристотель в IV веке до нашей эры, мечут икру и нерестятся. Но угорь, пояснял он, является исключением. Он не самец и не самка. Он не мечет икру и не спаривается. Угорь не рождает нового угря. Жизнь приходит из какого-то другого источника.

Аристотель предлагал понаблюдать за прудом без притока воды в период засухи. Когда вся вода испарилась, а весь ил и глина высохли, на твердом дне не остается признаков жизни. Ни одно живое существо не может там жить – в особенности рыба. Но когда пройдет первый дождь и вода медленно заполнит пруд, произойдет нечто невероятное. Внезапно пруд вновь полон угрей. Откуда-то они там берутся. Дождевая вода дарит им жизнь.

Вывод Аристотеля: угорь просто возникает сам собой, как необъяснимая загадка бытия.

То, что Аристотель интересовался угрем, вовсе не удивительно. Его интересовала всякая жизнь. Само собой, он был мыслителем и теоретиком и вместе с Платоном заложил основы всей западноевропейской философии, но кроме этого он был еще и естествоиспытателем – по крайней мере, по меркам того времени. Принято говорить, что Аристотель был последним человеком, знавшим все, – то есть обладавшим всеми теми знаниями, которые накопило на тот момент человечество. И, помимо всего прочего, он был предшественником тех, кто впоследствии наблюдал и описывал живую природу. Его большая работа *Historia animalium* («История животных») за две тысячи лет до Карла Линнея была первой попыткой систематизировать и категоризировать животный мир. Аристотель наблюдал и описывал огромное количество животных, указывая на их различия. Как они выглядели, из каких частей состояло их тело, их цвета и формы, как они жили и как размножались, чем питались, как вели себя. Вся современная зоология вышла из «Истории животных», – эта книга оставалась эталонной в науках о природе вплоть до XVII века.

Аристотель вырос в Стагире на Халкидики – полуострове с тремя длинными языками суши, вдающимися далеко в Эгейское море, словно рука с тремя пальцами. Жизнь его была привилегированной, поскольку его отец служил личным врачом при македонском царе, дал сыну образование и веру в себя и, вполне вероятно, прочил и ему будущее врача. Однако Аристотель рано остался сиротой. Его отец умер, когда сыну было около десяти, а мать, вероятно, еще раньше. Попечение о нем взял на себя родственник, который отправил его в возрасте семнадцати лет учиться в Афины, в самое престижное учебное заведение античной Греции – Академию Платона. Молодой человек, один в чужом городе, любознательный и яркий, с желанием познать мир, которое поймет лишь тот, кто сам был оторван от своих корней. Двадцать лет Аристотель учился у Платона и во многом стал ему ровней, но, когда Платон умер, а Аристотеля не назначили новым главой Академии, он уехал на остров Лесбос. Именно там он начал всерьез изучать природу и животных, и, возможно, именно там он впервые задумался о происхождении угря.

Мало что известно о том, как именно проходили естественно-научные изыскания Аристотеля. Он не вел учет своих наблюдений и анатомических исследований. Разумеется, он уверенно и детально рассказывал о своих находках и выводах, но редко – о том, как он к ним пришел. Однако с высокой достоверностью известно, что большую часть вивисекций, легших в основу «Истории животных», он осуществил собственноручно. Кажется совершенно очевидным, что львиную долю своего времени он потратил на изучение водных животных, в первую

очередь угря. Ни об одном другом животном он не писал так много и так подробно, расписывая, что таится в глубинах его тела, как расположены органы и как устроены жабры. К тому же в том, что касается угря, Аристотель часто вступает в прямую полемику с другими, не названными в тексте, естествоиспытателями. Похоже, уже тогда угорь являлся источником всевозможных догадок, противоречивых суждений и конфликтов. Аристотель с бескомпромиссной уверенностью заявляет, что угорь никогда не носит в себе икру, а тот, кто имеет другое мнение, просто не исследовал его достаточно внимательно. По этому поводу не может быть никаких сомнений, пишет он, поскольку, если разрезать угря, не найдешь не только икры, но и каких-либо органов, предназначенных для производства или вымета икринок или молок. Ничто в существовании угря не дает ключа к вопросу, как он рождается. Таким же образом те, кто утверждает, что угорь – живородящая рыба, по мнению Аристотеля, попали в плен собственного невежества, и их представления не подкреплены фактами. То же касается и тех, кто считает, что угорь – рыба двуполовая, и приводит в качестве примера то, что у самца угря голова больше, чем у самки. Они по ошибке приняли различия между видами за различия между полами.

Вне всяких сомнений, Аристотель изучал угрей. Может быть, на Лесбосе, а может быть, в Афинах. Он вскрывал их, изучал внутренности, ища икру и органы размножения, какое-либо объяснение тому, как же они рождаются. Можно предположить, что он много раз держал в руках угря, разглядывая его и размышляя над тем, что это за существо. И пришел к выводу, что это нечто совершенно особенное.

Этот метод изучения животных и природы, практически единолично разработанный Аристотелем, со временем наложил свой отпечаток на всю современную биологию и другие естественные науки, а стало быть, и на все последующие попытки постичь угря. Это был метод в первую очередь эмпирический. Аристотель считал, что природу можно описать лишь за счет систематического наблюдения и что только путем правильного описания можно постичь ее суть.

Метод был новаторский и во многих отношениях успешный. Наблюдения Аристотеля на удивление точны, особенно с учетом того, что они были сделаны задолго до возникновения зоологии как дисциплины. Его знания сильно опережали его время – в особенности в том, что касалось водных тварей. Например, он описал анатомию и размножение осьминогов таким образом, что современная наука смогла подтвердить его правоту только в XIX веке. И по поводу угря Аристотель вполне корректно утверждал, что он может жить как в пресной, так и в соленой воде, что у него необычно маленькие жабры и что он проявляет активность ночью, а днем отсиживается на глубине.

Однако именно по поводу угря Аристотель утверждал много такого, что оказалось совершеннейшими небылицами. Несмотря на систематические наблюдения, он так и не смог понять его. Он писал, что угорь ест траву и корни, а иногда и глину. Писал, что у угря совсем нет чешуи. Еще он утверждал, что угри живут до семи-восьми лет и могут выжить на суше пять-шесть дней, если ветер с севера. А также что у угря нет пола и что он рождается из ничего. Первое воплощение угря, как заявлял Аристотель, – это крошечное личинкообразное существо, своего рода червь, возникающий в иле и глине спонтанно, без участия других существ. Оно возникает в море и в реках, в первую очередь там, где немало сгнивших растений, и более всего предпочитает неглубокие болота или заросли водорослей, где солнце нагревает воду. «Не может быть никаких сомнений, что дело обстоит именно так, – пишет Аристотель и подводит итог дискуссии: – Вот и все о размножении угря».

Все знания базируются на опыте. Это было первое и основополагающее открытие Аристотеля. Всякое изучение жизни должно быть эмпирическим и систематизированным. Действительность следует описывать такой, какой она предстает нашим органам чувств. Сначала надо сосредоточиться на том, что нечто *существует*, а потом на том, *что* это такое. И только собрав все факты о том, что такое это нечто, можно приблизиться к метафизическому вопросу, *зачем* оно такое, какое оно есть. Именно этот подход заложил основы для большинства последующих попыток научным образом познать мир.

Но почему именно угрю удалось ускользнуть от Аристотеля? Похоже, на этот вопрос нет ответа. Как бы тщательно и систематично ни изучал он угря, а все же приходил к выводам, которые сегодня кажутся нелепыми и антинаучными.

Именно это и делает угря таким уникальным. В естественных науках существовало немало загадок, но немногие из них оказались столь живучими и трудными, как загадка угря. Его не только исключительно трудно наблюдать – из-за его необычного жизненного цикла, любви к тьме, метаморфоз и сложного поведения при размножении. Он к тому же полон тайн, так что это кажется почти намеренным или предопределенным. Даже когда его удается наблюдать, когда ученые подбираются к нему совсем близко, он все равно ускользает. Учитывая то, сколько людей изучало угря, пытаясь его понять, сколько времени и труда на это потрачено, мы должны были бы знать об угре куда больше, чем знаем сегодня. То, что многое так до сих пор и не выяснено, – почти мистика. В зоологии это называется «вопрос об угре».

Вероятно, Аристотель стал первым, кто увековечил свои ошибки и недоразумения по поводу угря, – но далеко не последним. И в современную эпоху угорь продолжает водить за нос человека. Множество выдающихся ученых, а также немалое количество энтузиастов-любителей изучали его, так и не поняв до конца. Многие из самых знаменитых деятелей науки пытались разрешить вопрос об угре, но их постигла неудача. Кажется, органов чувств не хватает. Наблюдения и опыт мало что дают. Где-то во тьме и в иле угрю все же удалось спрятаться от светоча знаний. Когда речь заходит об угре, человек знающий все равно вынужден в какой-то мере довольствоваться догадками.

В прежние времена человек отделял угря от других рыб. Угорь, с его необычным внешним видом и поведением, невидимой чешуей и почти незаметными жабрами, с его возможностью выживать на суше, воспринимался как нечто особенное. Он настолько не походил на других рыб, что многие считали его водяной змеей или амфибией. К примеру, Гомер считал угрей и рыб разными видами. Когда Ахилл в «Илиаде» убивает Астеропея и оставляет его на берегу реки, говорится: «И тогда собрались вокруг трупа рыбы и угри, жадными челюстями накинувшись на жир его почек». И по сей день можно порой столкнуться с вопросом: «А рыба ли угорь?»

Эта неуверенность по поводу того, что же такое угорь, привела к некоей отстраненности. Угорь вызывал у человека страх и отвращение. Он покрыт слизью, извивается, напоминает змею; считается, что он питается трупами людей; живет скрытно, прячась в придонном иле во тьме. Угорь – существо, не похожее на других, и, как бы ни был он распространен в наших водах и на наших столах, – во многом он всегда оставался чужаком.

Наиболее долго просуществовала и наиболее бурно обсуждалась загадка о том, как же размножается угорь. И только в последнее столетие мы смогли дать на этот вопрос разумный, хотя и не совсем полный ответ. Долгое время люди предпочитали верить Аристотелю и его теории о личинках, которые сами по себе возникают в иле. Другие верили Плинию Старшему,

погибшему при извержении Везувия в 79 году нашей эры. Философ считал, что угорь размножается, когда трется о камни: это высвобождает частички его тела, которые превращаются в новых угрей. Некоторые верили древнегреческому писателю Афиней, который в III веке нашей эры заявил, что угорь выделяет своеобразную жидкость и она, опускаясь в ил, порождает новую жизнь.

Шли века, и одна фантастическая теория сменяла другую. В Египте считали, что угорь рождается сам по себе, когда солнце согревает воды Нила. Во многих частях Европы думали, что угорь возникает из сорванных растений, покоящихся на дне, или вырастает из гниющих останков мертвого угря. Бытовало мнение, что угорь рождается из морской пены или что он появляется, когда лучи солнца освещают определенного рода росу, выпадающую весной на песчаных банках в озерах и реках. В английской деревне, где всегда промышляли угря, предпочитали теорию, что угорь зарождается, когда волоски из хвоста лошади падают в воду.

Многие теории о том, откуда же берется угорь, исходили примерно из одной мысли: это была идея жизни, зарождающейся из чего-то неживого, идея спонтанного возникновения – малого отголоска рождения Вселенной.

Комар, рождающийся из пылинки; муха, рождающаяся из куска мяса; угорь, рождающийся из ила. Это обычно называют самозарождением: такое понятие бытовало в науке в прежние времена, особенно до изобретения микроскопа. Люди верили своим глазам – и если они наблюдали кусок гнилого мяса, из которого внезапно выползали опарыши, не видя перед тем ни мух, ни их яиц, то как они могли подумать нечто иное, чем то, что опарыши откуда-то берутся сами? Аналогично этому никто никогда не наблюдал, как размножаются угри, причем у них и не видно никаких органов размножения.

Мысль о самозарождении ведет, естественно, к началу начал – к возникновению жизни на Земле. Если существовало некое начало, когда жизнь действительно возникла из ничего (через Божественное ли вмешательство, если в него верить, или иным образом), тогда не так уж и нелепо допустить, что это спонтанное возникновение может повторяться – например, когда рождается угорь.

Как это на самом деле могло произойти, объяснялось по-разному. В Первой книге Моисея говорится о том, как Дух Божий, носившийся над пустотой, создал не только свет и землю, но и всех зверей. Античные философы-стоики говорили о *пневме*, дыхании жизни, – той комбинации воздуха и тепла, которая необходима для существования как земных созданий, так и души. Но важнейшее условие при этом – вера в то, что неживая материя может превращаться в живую, что живое и мертвое в конечном счете являются предпосылками друг друга и что какая-то форма жизни может существовать внутри того, что на первый взгляд кажется мертвым. Поскольку угря невозможно было понять или объяснить, размышления такого рода лежали на поверхности: угорь стал отражением самой загадки о происхождении жизни на Земле.

Пытаясь понять угря, мы и по сей день вынуждены довольствоваться догадками – и в этом его особенность. Потому что, несмотря на все то, что нам сегодня известно о жизни и размножении угря: долгий путь из Саргассова моря, метаморфозы, терпеливое ожидание, возвращение обратно с целью размножения и наступающая за этим смерть, – несмотря на то, что все это, скорее всего, верно и корректно, немалая часть этого до сих пор остается на уровне предположений.

Ни один человек не видел, как размножается угорь; никто не наблюдал, как один угорь оплодотворяет икринки другого; никому не удалось убедить угрей размножаться в неволе. Мы думаем, что угри вылупляются в Саргассовом море, поскольку именно там обнаружены самые крошечные экземпляры прозрачных личинок в форме ивовых листьев, но никому точно не известно, почему угорь упрямо размножается именно там и только там. Никто доподлинно не знает, как они переносят долгий путь обратно в Саргассово море и каким образом нахо-

дят дорогу туда. Считается, что угри умирают вскоре после оплодотворения, поскольку после нереста живых угрей никогда не наблюдалось, но, с другой стороны, ни одного взрослого угря, живого или мертвого, на месте нереста никто никогда не находил. Стало быть, никто никогда не видел угрей в Саргассовом море. Никто не может до конца объяснить смысла всех этих метаморфоз. Никто доподлинно не знает, сколько лет может прожить угорь.

Через две с лишним тысячи лет после Аристотеля угорь по-прежнему остается научной загадкой – и тем самым становится символическим воплощением метафизики. Метафизику связывают с именем того же Аристотеля (хотя само понятие появилось уже после его смерти): этим понятием обычно обозначают учение о том, что существует в стороне, вернее, за пределами объективной природы, за пределами того, что мы можем наблюдать и воспринимать при помощи органов чувств.

Речь не обязательно идет о Боге. Метафизика – это скорее попытка описать суть бытия, *всю* окружающую действительность. Она говорит нам, что существует разница между бытием как таковым и качествами бытия. Она говорит нам также, что это два разных вопроса. Угорь существует. Бытие первично. А вот *что* он такое – это уже совсем другое дело.

Мне кажется, именно поэтому угорь продолжает увлекать такое количество людей. Есть нечто притягательное в этой пограничной зоне на стыке веры и знания, где знаний недостаточно и потому они несут в себе не только факты, но и следы мифов и фантазий. Потому что даже тот, кто привязан к науке и строгому систематическому порядку, все же оставляет в душе крошечную лазейку для тайн и загадок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.